

Белый козлик

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

одна исповедь две правды

18+

Watanogashi Grey

Белый козлик: Одна исповедь - две правды

<https://litres.ru/74129282>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мэрио — город, в котором дождь никогда не заканчивается, а надежда давно стала такой же редкостью, как солнечный день. Здесь каждый знает друг друга, но никто не замечает, что зло растёт прямо у них под ногами.

Отец Михаил каждый день выслушивает чужие исповеди, пытаясь сохранить веру в людей. Но чем глубже он заглядывает в человеческие души, тем чаще задаётся вопросом: можно ли спасти того, кто сам не хочет быть спасённым?

Когда город сотрясает череда загадочных смертей, полиция списывает всё на несчастные случаи. Лишь один человек не верит в совпадения — детектив, потерявший семью и давно пытающийся заглушить собственную боль виски. Расследование постепенно превращается в опасную игру, где за каждым ответом скрывается новый вопрос.

И пока весь город ищет убийцу, никто не замечает, что зло давно научилось говорить правильные слова, вселять надежду и носить лицо, которому принято доверять.

Одна исповедь — две правды. Но только одна из них приведёт к спасению.

Содержание

Записка 0: Скрытые грехи	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Watanogashi Grey

Белый козлик: Одна исповедь - две правды

Записка 0: Скрытые грехи

Будильник прозвенел ровно в семь. Я открыл глаза ещё до того, как успел разозлиться на этот звук. За окном, как и вчера, как и неделю назад, шёл дождь. Казалось, в Мэрио не существовало другого времени года. Только дождь. Только серое небо, мокрый асфальт и ощущение безнадежности. Будто весь город медленно тонет, но уже давно перестал сопротивляться. Я сел на край кровати и несколько секунд просто слушал. Капли барабанили по жестяному подоконнику. Где-то за стеной ругались соседи. Сверху с глухим звоном разбилась посуда. За окном выл поток машин. Старая труба под моим окном жалобно завывала, словно тоже устала от бесконечного дождя в нашем городке. В Мэрио наступило очередное мрачное утро.

Вставая с кровати, я осторожно взял с тумбочки фарфорового белого козлика. Холодная керамика привычно коснулась ладони. Каждое утро, прежде чем выйти из дома, я проводил большим пальцем по небольшому сколу на его спине.

Он появился много лет назад, но я так и не смог заставить себя его заклеить. Возможно, некоторые вещи не должны становиться прежними. Они напоминают, кем ты был.

Я машинально перекрестился и тихо произнёс молитву, которую повторял каждое утро с тех пор, как уверовал в бога. Иногда мне казалось, что Бог слышит всех. Но жители нашего города уже давно не обращались к нему. Я подошёл к окну. Люди спешили на работу, пряча лица под зонтами. Кто-то торопился, кто-то опаздывал, кто-то мысленно проклинал сегодняшний день. Мэрио всегда просыпался уставшим. Именно поэтому я никогда не любил смотреть в окно слишком долго. Чем дольше живёшь в Мэрио, тем больше ощущаешь странное чувство пустоты. Это чувство будто преследует меня. Иногда складывается ощущение, что каждая часть моего тела потихоньку умирала, а я словно пассивный наблюдатель не мог ничего с этим сделать. Я называл это «эффект Мэрио». Город будто запутывает нас своими чарами и забирает у нас остатки человечности.

Словно город был живым существом. Животным, которое не убивает сразу, а терпеливо ждёт, пока человек сам перестанет сопротивляться. И нигде не получится спрятаться от его взора, он найдет, где бы ты ни был. Он видит всё.

Я отвел взгляд.

Пора прекращать утреннюю рефлексю. Она никогда не давала ответов, а лишь заставляла меня сомневаться – в городе, в людях и иногда даже в реальности происходящего. Но

чем дольше я живу в Мэрио, тем больше я чувствую себя каким-то психом, что боится своей собственной тени. Всё-таки бесконечный дождь влияет на мою психику намного больше, чем я думал. Я бы ещё долго размышлял об этом, но все мои мысли распались на мелкие атомы после того, как я услышал повторный звук будильника. Я всегда завожу два будильника. Первый будил тело. Второй спасал меня от собственных мыслей.

Отбросив звон в своих ушах, я выключил будильник и пошёл умываться. В моей ванне тускло висела одна лампочка. Казалось, даже свет здесь устал бороться с серостью. Возле стиральной машины как обычно лежала куча грязной одежды, которую я всё не могу постирать. В последнее время домашняя рутина стала утомлять меня больше обычного. Умывшись, я посмотрел в зеркало и увидел там уставшего мужчину, который в свои двадцать три года уже выглядит, как сорокалетний старик. Но, умывшись ещё раз и зализав свои волосы назад, я увидел молодого и опрятного мужчину. Теперь я выглядел так, будто мне можно доверять.

У меня оставалось несколько минут до моего ухода. Я снова подошёл к окну. Чем ближе я подходил к окну, тем чётче я видел настоящее лицо Мэрио. Грязное, уставшее и безразличное. Дождь не стихал. Голова всё ещё гудела после звонка будильника, но теперь этот шум почти растворился в стуке дождя. Казалось, сам город дышал в одном ритме с каплями.

Я прислонился плечом к окну. Бездомный старик, тяже-

ло опираясь на потёртую трость, шёл сквозь дождь. Одет он был очень неопрятно: штаны рваные, а из кармана куртки торчали остатки не свежей еды из местного магазинчика. За ним бежали дети и что-то кричали ему вслед. Старик молча шёл дальше. Но детям это не понравилось, и они начали кидать в него мусор. Увидев, что старик никак не реагирует на мусор, один из детей взял камень и яростно кинул его. Старик упал. Увидев это, дети со смехом быстро убежали с места преступления, оставляя его лежать в луже. Но старик просто встал, стряхнул с себя грязь от лужи и пошёл дальше. Дети думали, что это всё безобидные шутки или, что этот старик заслужил такое отношение к себе. Жестокость всегда начинается с субъективного понятия «веселья». Сегодня они смеются, но завтра могут забыть, что это шутки. Мне очень жаль этого старика, он не заслужил такой участи, но ничем помочь я не могу. Если Господь рассудил его судьбу именно так, то я не вправе возражать его воле.

Я посмотрел дальше и увидел остановку, что с утра особенно богата тусклыми взглядами воротничков. Они спешат на столь ненавистную ими работу и каждую свободную секунду мечтают занять место своего босса. Они хотят получить власть, упиваться своим положением в обществе и превратить своего босса в послушную собачку. Но как только они приходят на работу, то в одно мгновение превращаются в послушных псов, что виляют хвостом перед начальством. И с каждым днём их гнев становится только ярче и, будто

бы, наполняется ярко-алой кровью, что бежит по их надутым венам. Их злость настолько сильна, что они готовы пойти на убийство, лишь бы получить ту самую сладкую жизнь. Каждый их день цикличен — утренний кофе, сбор на работу, грёзы о прекрасной жизни и богатстве. Но если так продолжится и дальше, то им ничего не светит, кроме одиночной камеры в тюрьме, где они проведут остаток своей жизни. Но пока этого не произошло, они смиренно стоят и ждут своего автобуса, который увезёт их в очередной повторяющийся день. Бедные люди, которых ещё можно спасти, но хотят ли они?

Спустя время автобус съедает воротничков, оставляя только приглушенный свет фар на мокром асфальте. А я просто наконец-то закрою окно, вид из которого лишь сильнее пробуждает у меня чувство безысходности. Но внезапно краем глаза я заметил интересную картину. Маленький мальчик лет двенадцати, держа в левой руке ярко-желтый зонтик, который освещает свет утренней луны и оранжевых фонарей, раздаёт газеты. Я начал наблюдать за ним.

В глаза сразу бросается его грязный вид. Портфель порван, штаны расходятся по швам, и лишь его футболка с надписью «Серафим», выделяет его в тусклом дождливом пейзаже. Рука же его вся в синяках, голова опущена настолько низко, будто он боится не только всего мира, но и верхней части своего тела. Хоть в этом нет ничего необычного, но я проникся его рвением заработать денег. Но не всё так просто. Я его знаю, это сын местной проститутки, о «работе»

которой наслышан весь город. Отца мальчик, конечно же, не знает, а мать либо пьяная дома, либо отсасывает очередному клиенту у себя дома. Ей даже не мешает, что сын дома. Я думаю, для своего юного возраста он видел уже слишком много грязи. В школе все знают, чей он сын и дети не пропускают ни единой возможности напомнить ему это. Его унижают, бьют и обзывают только потому, что он сын проститутки. Детям всё равно какой он человек, им это просто не важно и именно поэтому их жестокость пугает меня. Но больше всего меня пугает мысль, что злость, которая копится внутри мальчика, когда-нибудь вырвется наружу. Тогда только одному богу будет известно, что случится. Есть вероятность, что мальчик найдёт где-нибудь ружье и пойдёт вершить свой личный суд в школу. Как только он переступит порог своего класса, так все те, кто его унижал, сразу же упадут ему в колени и будут умолять их пощадить. Они будут рыдать, унижаться перед ним и лишь в этот миг он впервые почувствует власть над их судьбами. Щадить он их, конечно же, не будет, они умрут с лицом полным непонимания и вопросом — «почему он так поступил?». Они никогда не поймут, что они сами взрастили демона и в своей гибели виновата только их злость. Я видел слишком много сломанных людей, которые совершают ужасные поступки. Я уже перестал верить в таких людей, но надеюсь, что Господь будет благосклонен к этому мальчику и такой исход будет только в моих кошмарах. Я закрыл окно.

Пожалуй, пора заканчивать эту уже весьма затянувшуюся рефлексию. Я снова сажусь на кровать, натягиваю невинно-белые носки, на свои уже повидавшие жизнь ноги, с которых уже лезет кожа. Будто даже моя плоть хочет сбежать из этого города. Надеваю штаны, застёгивая их ремнём, беру в охапку свою робу, надеваю крест и иду обуваться. На моём пороге стоит лишь одна пара старых ботинок, на которых ещё остались кусочки плоти мёртвой крысы, на которую я наступил пару дней назад. Полностью собравшись, я ощущаю себя рабом системы, жалким и не способным ничего изменить комаром, что просто жужжит из последних сил, но ничего не напишешь. Каждый раз, смотря в своё окно утром, я всё больше закапываю себя в личные размышления, которые иногда заходят слишком далеко.

Выходя из своей квартиры, я напоследок погладил свою фарфоровую статуэтку и наконец-то вышел в подъезд. Выходя в подъезд, мне в нос сразу ударил ужасный смрад. Вонь была настолько сильна, что будто бы разъедала мой нос. Мерзость! Присмотревшись в сторону лестницы, я смог разглядеть темный силуэт наркомана, мать которого жила напротив меня. Она была очень милой и доброй старушкой, которой я всегда помогал, но как только речь заходила о сыне – она мрачнела. Жизнь этого парня стала хуже, чем у таракана. Каждый день он тратит последние деньги, чтобы сделать свою и так ужасную жизнь – ещё хуже. Он не стесняется отбирать деньги у детей и стариков, для него не существует

никаких принципов. Доза – это единственная вещь, из-за которой он не закрывает глаза навсегда и просыпается утром. Мне было жаль его, но смотря на него, я не чувствовал ничего, кроме жуткого рвотного рефлекса.

Переступая это остаточное изображение человека, я начинаю спускаться прямо к выходу, но не успел я пройти и метра, как он устоялся прямо на меня и, словно дикий медведь, пошагал в мою сторону. Его движения были хаотичны и больше рефлекторными, нежели живыми. Он что-то бормотал себе под нос, но его язык еле двигался во рту, и поэтому что-то разобрать было сложно. В каждом его движении была видна жуткая боль, руки тряслись, а каждый шаг давался ему с большим трудом. Глаза его были наполнены звериной злостью, вены вздуты, а из кармана торчал пустой шприц. Наконец дойдя до меня, он собрал все свои оставшиеся силы и попросил у меня денег на лекарства. Я понимал, что он врёт, но ответить я ему ничего не мог ещё несколько секунд.

«Денег нет. Но я могу купить тебе немного еды, если ты голоден», — сказал тихим голосом я.

Услышав это, его лицо ещё меньше стало напоминать человеческое, а глаза наполнились злостью.

«Думаешь ты лучше меня?»

«Нет», — ответил я и уже начал выходить на лестницу.

Но он не хотел это так оставлять и толкает меня. Я с гро-

хотом упал на холодный кафель, но делать ничего не стал. Я спокойно отряхнулся, поднялся и пошёл дальше. И в момент ухода наркоман не выдержал и громким криком кинулся в мою сторону. Трясущими руками он схватил меня за горло и с новой силой начал меня душить. Я пытался оттолкнуть его, но в этой попытке лишь ещё больше поцарапался об его шприц. Начался яростный танец. Я смог вырваться из захвата и сразу побежал в сторону выхода, но он не отставал. Я бежал по лестнице, что есть мочи. Он догнал меня, но я успел среагировать и толкнул его. Дождь стал барабанить ещё громче и под этот звук он с грохотом покатился с лестницы. Наступила тишина.

«Помоги мне», — с большой тяжестью в голосе прошептал он.

Я просто стоял рядом с ним и смотрел в его глаза. Через несколько минут я подошёл к нему, медленно перекрестил его и ушёл, сказав лишь одну фразу:

«Надеюсь, однажды ты найдёшь свой покой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.